

DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.070

УДК 910.4(410:477.75) + 94(470)“1816/1820” +
+ 39(=512.145)**Н. И. Храпунов***Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
Симферополь, Россия*

КАК ОПИСАТЬ ЭТНОГРАФИЮ ИМПЕРСКОЙ ПРОВИНЦИИ: МЕРИ ХОУЛДЕРНЕСС В КРЫМУ

В статье рассматриваются травелогги англичанки Мери Хоулдернесс, которая в 1816–1820 гг. проживала в селении Карагоз на Крымском полуострове. В историографии эти сочинения используются редко, в основном как источник конкретных этнологических данных. В статье предложен целостный анализ записок путешественницы, ставших самым подробным описанием крымских этноконфессиональных общин своего времени. Сочинения Хоулдернесс поставлены в контекст представлений о Крыме, выработанных в ее время на Западе, а также особенностей этнографических представлений начала эпохи романтизма в целом. Опыт «вовлеченного наблюдения» за жизнью соседей позволил Хоулдернесс собрать уникальные сведения об экономике региона и этнографии населявших его народов. В ее книгах имеется информация о хозяйственной деятельности и особенностях налогообложения, традиционной одежде и кухне, брачно-семейных отношениях и погребальных обрядах, развлечениях и суевериях, религиозности и других аспектах жизни русских и татар, греков и немцев, болгар и армян, каримов и представителей других этноконфессиональных общин. Эти материалы позволяют проанализировать особенности английского восприятия других народов. Так, иностранцы были склонны выводить из нескольких известных по собственному опыту примеров общие свойства национального характера. Путешественница считала, что ее соотечественники находятся на вершине «лестницы народов», следующих от «варварства» к «цивилизации», тогда как крымские этноконфессиональные общины занимали ступени ниже. Она «наделила» их разными комбинациями таких черт, как примитивная религиозность и суеверность, дурные моральные качества и несклонность к труду, лень и вороватость — но одновременно добродушие, гостеприимство, сопереживание и пр.

Ключевые слова: Крым; записки путешественников; этнографические описания; Российская империя; крымские татары; историческая имагология; образ Другого

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII — начала XIX в.».

Ц и т и р о в а н и е: Храпунов Н. И. Как описать этнографию имперской провинции: Мери Хоулдернесс в Крыму. DOI 10.15826/izv2.2020.22.4.070 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 174–189.

Поступила в редакцию: 18.06.2020

Принята к печати: 28.09.2020

Nikita I. Khrapunov

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

DESCRIBING ETHNOGRAPHY OF A BORDERLAND PROVINCE: MARY HOLDERNESS IN THE CRIMEA

This paper addresses travelogues by English author Mary Holderness who spent the years 1816–1820 in the settlement of Karagoz in the Crimean Peninsula. Scholarship has used this source but rarely, mostly for cultural-anthropological facts. This paper provides an integral analysis of these travel writings as the most detailed account of Crimean ethno-confessional communes from the period. The works by Holderness are studied in the context of contemporary Western knowledge of the Crimea and specific ethnographic ideas in early Romanticism. The “involved observer’s” experience allowed Holderness to collect unique information about the economy and ethnography of the country. The source provides various accounts on the economic activities and taxation specificities, traditional costumes and cuisine, matrimonial relations and funeral rituals, entertainment and superstitions, religion, and other features of Crimean Russians and Tatars, Greeks and Germans, Bulgarians and Armenians, Karaites, and other ethnocultural communities. These materials allow one to disclose the features of the British perception of other peoples. Thus, foreigners tended to generalisation and typisation, making conclusions about the general trends of the national character relying on a few cases known to them from their own experience. The traveller put her fellow countrymen at the top of the “stairs of peoples” going from “barbarism” to “civilization,” while Crimean ethno-confessional communes occupied the stairs below them. She “supplied” them with various combinations of such features as primitive religiosity and superstitions, bad morals and disinclination to work according to Protestant ethics, laziness and stealing combined with a good heart, hospitality, empathy, etc.

Key words: Crimea; travelogues; ethnographic accounts; Russian empire; Crimean Tatars; historical imagery; image of the Other

Acknowledgements

The study was funded by the *Russian Foundation for Basic Research*, project 18-09-00053 “The Crimea as Viewed by the English in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries”.

For citation: Khrapunov, N. I. (2020). Kak opisat’ etnografiu imperskoi provintsii: Meri Kholderness v Krymu [Describing Ethnography of a Borderland Province: Mary Holderness in the Crimea]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 4 (202), 174–189. doi: 10.15826/izv2.2020.22.4.070

Submitted: 18.06.2020

Accepted: 28.09.2020

Экспансия России на юг во второй половине XVIII в. вызывала большой интерес за рубежом. Важнейшим каналом информации стали записки

путешественников, посетивших причерноморские губернии в силу разных причин и жизненных обстоятельств. Они выяснили, что одной из необычных особенностей Крымского полуострова была его полиэтничность. «Обнаруживающееся в Крыму многообразие разных народов, каждый из которых живет как будто в своей собственной стране, практикуя свои особые обычаи и сохраняя свои религиозные обряды, является одним из примечательных обстоятельств, делающих этот полуостров интересным для чужестранца: в Бахчисарае — татары и турки; на вершине возвышающихся над ним скал — колония евреев-караимов; в Балаклаве — греческая орда; армия русских в Акмечети; в других городах — анатолийцы и армяне; в степях — ногайцы, цыгане и калмыки; так что на маленьком клочке земли, словно в зверинце, противоположные виды живых редкостей соединяются необычным образом», — писал британец Эдвард-Даньел Кларк [Clarke, p. 221–222]. Этническая пестрота не просто казалась особенностью региона, но и характеризовала Крым как часть «Востока» как макрорегиона, который считали полной противоположностью «Западу» (или «Европе»), т. е. собственной культуре [Храпунов, 2018a]. Травелоги представляют особый опыт узнавания и нанесения на ментальную карту пограничного региона с чрезвычайно разнообразным населением, которому свойственны были разные варианты экзотических нравов и обычаев, а также осмысления действий империи в весьма специфической провинции.

В списке путешественников по России и Крыму совершенно особое место занимает Мери Хоулдернесс¹. Все путешественники описывали местные «экзотические» народы [Храпунов, 2019a; 2019b], но именно Хоулдернесс сделала этнографию центром повествования. Исследователи обычно используют записки англичанки как источник фактических сведений о жителях Крыма [Williams, p. 121; Kizilov, p. 126, 132]. Поскольку о самом авторе не известно почти ничего, реконструкция ее жизни и взглядов нередко зависит от фантазии исследователя [Деремедведь, с. 33–39; Каушлиев, с. 106–109; Калашников, с. 136–139; Voloshkova]. Изданы переводы отдельных глав [Деремедведь, с. 92–96; Одесса глазами британцев, с. 65–66] и всей книги по первому изданию [Калашников, с. 140–319], — впрочем, качество последнего перевода ниже всякой критики. Целью этой статьи является изучение скудных биографических данных о путешественнице и анализ ее текста как фактически первого этнографического описания полуострова в российскую эпоху. На этой основе можно реконструировать особенности восприятия, осмысления и описания других стран и культур представителями английского образованного общества времени романтизма.

Об обстоятельствах жизни Хоулдернесс известно очень мало. Так, крупнейший знаток британско-русских культурных связей Э.-Г. Кросс в справочнике «английской Россики» не смог сказать о Хоулдернесс больше, чем она сама сообщила в своих книгах [Cross, p. 134]. В 1821 г. англичанка выпустила первое

¹ Историография не выработала устойчивого русского написания фамилии Holderness. В данной статье используется вариант, соответствующий современным нормам и академическим правилам [Рыбакин, с. 237].

сочинение, посвященное нравам и обычаям крымских татар. В предисловии она сообщала, что жила в крымском селении Карагоз (ныне с. Первомайское; находится на юго-востоке полуострова, между Старым Крымом и Феодосией) с 1816 г. по март 1820 г. [Holderness, 1821, p. v]. Через два года появилось новое издание, дополненное рассказом о путешествии автора из Риги в Крым, а также известиями о южнорусских губерниях и других крымских народах [Holderness, 1823]. Затем Хоулдернесс издала сборник религиозных размышлений и гимнов на каждый день месяца. Эта книга свидетельствует об искренности ее религиозных чувств. Издание посвящено английскому королю Георгу IV, а деньги на него собирали по подписке, что может говорить об ограниченных доходах автора [Holderness, 1825]. Еще через два года вышло второе издание «крымского путешествия» [Holderness, 1827]. После этого о Хоулдернесс нет никаких данных.

Имя Хоулдернесс встречается в документах, связанных с Артуром Янг-младшим, британским агрономом, прибывшим в Россию для того, чтобы применить здесь на практике свои знания. В 1809 г. он приобрел поместье в Карагозе, где попытался основать английскую колонию. Прежним владельцем был русский офицер Антон Шиц (фон Шютц), поселившийся там не позднее 1786 г. [Romme, p. 86]. Знаменитый исследователь Крыма и автор программы экономических преобразований полуострова Петер-Симон Паллас с восторгом отзывался об этом поместье и внедренных его первым хозяином усовершенствованиях, упомянув большие виноградники, пасеку, огороды и цветники, а также старые татарские плодовые сады неподалеку. Проблемой была нехватка дров, потому окрестные татары топили навозом [Паллас, с. 116]. Янг рассчитывал, что использование передовых технологий сделает поместье весьма доходным, но он недооценил специфику региона — отсутствие внутреннего рынка для аграрной продукции, дорог, связывающих Крым с материком, портовой инфраструктуры, нехватку рабочей силы и пр. В итоге план провалился, и англичанин вернулся на родину [Gazley, p. 384–405; Проблемы интеграции Крыма, с. 291–293]. Из корреспонденции Янга следует, что Хоулдернесс отправилась в Крым вместе с мужем, взяв с собой четверых детей, один из которых был еще младенцем, двух слуганок и огромное количество багажа. Ее муж «по паспорту» значился капитаном (впрочем, сам Янг — полковником), но отец Янга назвал его попросту «бродягой» [Gazley, p. 395–398].

По словам самой Хоулдернесс, некий друг снабдил ее материалами о жителях юга России, — возможно, этим человеком был Янг-младший [Holderness, 1827², p. iii; Gazley, p. 397, n. 2]. Помимо этого, Хоулдернесс изучила труды путешественников по Крыму в ханское и российское время — Франсуа де Тотта, Элизабет Крейвен, Петера Палласа, Станислава Сестренцевича-Богуша, Жана Рёйи, Эдварда-Даньела Кларка и Реджинальда Хебера (p. 105–106, 128, 136, 175, 193, 195–196). Последняя версия травелога Хоулдернесс состоит из трех частей,

² Далее ссылки на этот источник приводятся внутри текста, в виде обозначения страниц в круглых скобках.

что объясняется историей создания книги. Первая рассказывает о путешествии из Риги в Крым (р. 1–104). Во второй части находятся систематизированные сведения об экономике, администрации, армейских подразделениях, социальной системе и отдельных народах, живущих в Крыму и к северу от него (р. 105–207). Наконец, в третьей части говорится о разных аспектах жизни крымских татар (р. 211–316). Впрочем, избежать повторов автору все равно не удалось.

Хоулдернесс была образованной и глубоко религиозной женщиной. Можно думать, что ее семья отправилась на чужбину в поисках лучшей жизни. Потому путешественница особенно интересовалась прибыльностью предприятий. По ее словам, хотя крымские имения редко приносили своим владельцам большой доход, дело в нерадении самих помещиков, которые к тому же излишне доверяют жуликам-управляющим: «тот, кто поселился здесь, сможет трудолюбием и усердием добиться, чтобы его поместье приносило от пяти до восьми, а иногда и до десяти процентов годового дохода...» (р. 281–282). Янг же полагал, что инвестиции в крымские поместья могли дать до 17–20 % годового дохода на вложенный капитал — в четыре раза больше, чем на родине [Gazley, p. 388]. Подобное мнение было свойственно и многим российским авторам, подготовившим описания полуострова по заданию правительства и преисполнивших излишним оптимизмом по поводу его хозяйственных перспектив. Итогом стали многочисленные ошибки властей при разработке планов экономического развития региона, а также крах частных предприятий и неудачи иностранных колонистов [Проблемы интеграции Крыма..., с. 37–52; Конкин, с. 170–179].

В отличие от многих других авторов, Хоулдернесс интересовала не история полуострова или романтика Востока [об этих сюжетах см.: Храпунов, 2018а; 2018б], а реалии современной жизни. Путешественница подробно описала быт и нравы жителей Тавриды — крымских татар, греков, армян, болгар, караимов, русских и переселенцев из Германии. На них она смотрела «глазами миссионера», считая, что им мешает ряд негативных качеств — лень, нечистоплотность, нежелание пользоваться достижениями медицины и пр. Следует сказать, что Янг носил сан англиканского священника. В описаниях его поместья говорится, что в Карагозе была каменная церковь. Ее мог построить и прежний владелец, а Янг — приспособить под англиканское богослужение [Gazley, p. 362, 394, 399]. До настоящего времени это здание не сохранилось. Интересно, что к православным священникам Хоулдернесс относилась без уважения. Еще до прибытия в Крым, осмотрев Киево-Печерскую лавру, она заметила: «прискорбно видеть дурное влияние религии, возведенной на таком прекрасном основании и так постыдно извращенной в практической нравственности и доктринах ее исповедующих» (р. 67). Очевидно, подлинными праведниками она считала англикан.

Взгляды и деятельность Хоулдернесс и Янга становятся понятны в контексте религиозной политики Александра I. Император поддерживал разнообразные проекты западноевропейских протестантов, предпринимаемые в его стране, особенно на окраинах, поскольку, очевидно, усматривал в них государственную пользу. Насаждение протестантской этики должно было стимулировать

развитие экономики. Деятельность миссионеров способствовала бы распространению представлений об идеальном государстве, которое задумал обустроить император. Оно основывалось на нравственности, справедливости, самосовершенствовании и отсутствии произвола; место в нем было и для нехристианского населения [Вишленкова, с. 102–155]. Неудивительно, что протестанты развернули деятельность в Крыму под покровительством имперских властей [Проблемы интеграции Крыма..., с. 289–302]. Орудием просвещения считались знания — не только религиозные, но и практические, хозяйственно-экономические. Англичанка не скрывала оптимизма, ведь «не только сам монарх, но также и самые влиятельные князья его державы и церковные иерархи <...> с благороднейшей ревностью одобряют и помогают тем, кто, сознавая и понимая важность религиозной истины, желает широко распространить ее блага и раздать ее дары в темном и грешном мире» (р. 127). Итак, основными интересами англичанки были экономика Юга России и потенциальные возможности для развития новых или интенсификации старых отраслей хозяйства; особенности российской системы государственного управления регионом; этнография различных этноконфессиональных общин.

Рассказывая об этноконфессиональных группах, иностранцы были склонны к типизации, когда из нескольких примеров, известных по опыту, выводили общие свойства национального характера. Этим свойствам давали моральную оценку, исходя из собственных ценностей. Хоулдернесс не была исключением. По ее словам, прибывшие в Крым из Анатолии греки³ были стяжателями, немецкие колонисты — тугодумами, болгары имели «возвышенный характер», армяне оказались «нацией лавочников», караимы — весьма почтенными люди, моральный облик крымских крестьян (т. е. русских и украинцев) был порочен и груб, крымские татары испытывали отвращение к труду, а цыгане были ворами (р. 144, 162, 163, 175, 178, 205, 217, 275, 291). На высших ступенях в своей «иерархии» жителей Крыма она поместила болгар и караимов. Болгары, число которых невелико, отличались «возвышенным характером, будучи трезвыми, трудолюбивым и достойным сословием». Это «самые лучшие земледельцы и самые трудолюбивые жители полуострова». Они чистоплотны, бережливы, рачительны, умелы, гостеприимны, пусть и склонны к суевериям (р. 163–173, 216). Хоулдернесс выделяет из числа евреев, составлявших от 10 до 20 % жителей Юга России, неталмудических иудаистов — караимов. По ее оценкам, это обычно самые богатые и «во всех отношениях почтеннейшие» люди. Однако по отношению к представителям других групп они зачастую вели себя не слишком порядочно, как экономические эксплуататоры. Англичанке не понравились

³ Хоулдернесс понимала разницу между греками, покинувшими Крым в 1778 г. при поддержке российского правительства и поселившимися в Северном Приазовье, и греками — выходцами из османских владений, прибывшими в Крым после его присоединения к России (р. 142–143). По современным представлениям, первая группа называлась «греками» в ханское время, что подчеркивало их православие; в реальности они были потомками готов, алан и других средневековых этнических групп.

караимский традиционализм в вопросах веры и нежелание караимов самостоятельно размышлять над религиозными вопросами (р. 178–180, 216).

Отличие от многих других авторов, Хоулдернесс не интересовало прошлое, а потому она и не пыталась связать современных жителей Крыма с некогда жившими тут народами, например, татар — со скифами или гуннами, а караимов — с меланхленами, как делали ее соотечественники Маттью Гатри и Реджинальд Хебер [Храпунов, 2019б, с. 378–379]. Зато англичанка отличалась наблюдательностью и умела добиться расположения соседей — это позволило ей подробно описать их дома и одежду, пищу и утварь, приемы и отрасли хозяйствования, традиционные свадьбы и религиозные посты, игры и суеверия, музыку и преступления, обряды и пр. Не случайно она заканчивает вторую часть книги словами о том, что ее отъезд из Карагоза опечалил соседей — не только татар, но и поляков (р. 205–207). В книге имеется рассказ о том, как Хоулдернесс вместе с сыном ходила на похороны пожилой татарки, с описанием разных обрядовых действий (р. 244–248). Удивительно, но автор так и не сказала, на каком языке (или языках) она общалась с соседями. Судя по тому, что она регулярно передает разговоры с крымчанами, возможно, ей удалось выучить бытовой крымско-татарский язык.

Большое впечатление на англичанку произвело крепостное право — не случайно крепостных она называла «рабами» (*slaves*). Хоулдернесс оговорила, что, в отличие от Новороссии, «в крымских поместьях нет приписанных к ним рабов» (р. 199). Вспомним, что российские идеологи всячески подчеркивали разницу между крепостничеством и рабством, указывая на счастливую жизнь русских крестьян [Богданов, с. 42–43]. Западные интеллектуалы полагали, что «рабский» статус русских крестьян, даже если хозяева к ним относились мягко, не оставлял возможности для развития («достижения цивилизованности») ни им самим, ни государству в целом [Вульф, с. 113–116]. Тем более парадоксальным был вывод Хоулдернесс: «Свободнорожденному британцу, наверное, покажется невозможным то, что освобождение [крестьян] не сделает счастливым момент, когда это осуществится; к тому же, очевидно, что русский крестьянин счастливее и имеет меньше неудовлетворенных желаний, чем крестьянство страны, гордящейся своей свободой (т. е. Англии. — Н. Х.)» (р. 125). Хотя татары оставались лично свободными, по словам Хоулдернесс, рабский статус имели женщины — рабыни своих мужей. Даже если мужья «проявляли искреннюю привязанность к женам», неполноправный статус последних поддерживали религиозные догматы и общественные традиции, подчинявшие себе чувства людей (р. 225). Кажется, можно уловить намек на покупку рабыни в рассказе о татарских свадьбах, требующих огромных затрат. «Крайности, до которых этот обычай доводят татарские крестьяне, превышают всякое правдоподобие». Выкуп за жену, подарки гостям и затраты на свадебный пир нередко разоряли татарина (р. 239). Некоторым приходилось, подобно библейскому Иакову, наниматься в услужение, чтобы тем самым получить возможность купить жену (р. 218). Зато он получал не просто супругу, но рабыню... Таким образом, рабство в его разных

проявлениях было важнейшим свойством и символом российского и крымского общества, свидетельствовавшим о его недостаточной цивилизованности.

Наиболее подробно англичанка описала быт крымских татар. «В простой жизни татар можно обнаружить многие черты сходства с тем, что сказано в Писании о начале истории. И сейчас, как и тогда было обычно, их богатство заключается в стадах, отарах и численности их семейства. Таковы и многие из их семейных обычаев» (р. 217). Они предпочитали селения городам и скотоводство земледелию. Путешественница рассказала об их экономической деятельности, популярных сельскохозяйственных культурах, приемах из возделывания и хранения, особенностях скотоводства и его продукции, выплатах владельцам пастбищ за выпас, внутрикрымской торговле, стоимости товаров и труда на полуострове. Она описала крымско-татарскую одежду, женские украшения и макияж, брачные обычаи и обряды, поведала о принципах воспитания и обучения детей, романтических отношениях, побегах влюбленных и наказаниях за супружескую измену. Ее интересовали жилые дома и их убранство, бани и традиционная пища крымских татар, их музыка, развлечения и игры, скачки, охота, отношение к алкоголю. Немало места уделено религии, постам, пирам и суевериям, болезням, амулетам и оберегам, погребальным церемониям и поспогребальным обрядам (р. 209–316).

В отличие от русских или греков (р. 143), крымские татары имели обширные налоговые льготы. Со ссылкой на Рёйи Хоулдернесс сообщает о том, что попытка Павла I обложить татар такими же налогами, что и прочее рядовое население империи, вызвала волнения. Потому Александр I восстановил их привилегированный статус. Теперь, заключает англичанка, им приходится лишь формировать два национальных полка, поставлять дрова и нести постоянную повинность в отношении расквартированных на полуострове постоянно или проходящих через него отрядов (р. 191–193). Вывод о привилегированном статусе крымских татар, положение которых в смысле налогов и повинностей было значительно лучше, чем у православных крестьян внутрироссийских губерний и самого Крыма, подтверждается современными исследованиями. Впрочем, во время Хоулдернесс ситуация стала меняться, и российские чиновники постепенно стали вводить налоги для «татар-поселян» [Проблемы интеграции Крыма..., с. 189–201].

Со ссылкой на своего знакомого — крымского татарина, служившего заседателем в земском суде и знавшего результаты последней ревизии, Хоулдернесс оценила численность живших на полуострове крымских татар мужского пола в 186 тыс. человек. Среди них осталось не более 60 знатных семейств, включавших 600 мурз («дворян»). Общее число жителей Крыма, включая все классы и сословия, она сочла равным 260 тыс. человек (р. 213–214). Эти цифры, кажется, завышены — по данным современных демографов, VII ревизия 1815–1816 гг. выявила в Крыму 212 600 человек, в том числе 113 100 мужчин [Водарский, Елисеева, Кабузан, с. 93, 123]. Впрочем, неточные подсчеты численности населения в работах путешественников — явление обычное. Они использовали

сомнительные источники, иногда могли перепутать данные, наконец, в публикациях встречаются опечатки [см.: Проблемы интеграции Крыма..., с. 248–250].

До присоединения Крыма к России крымские татары считались грозными воинами, жестокими, неприхотливыми и использовавшими нетипичный для европейцев способ ведения войны. Потому в название народа и страны добавили лишнюю букву, получив «тартар» и «Тартарию», имена, напоминавшие о Тартаре — преисподней древнегреческих мифов. Примером этой долгоживущей фобии могут быть слова Жан-Жака Руссо (1762) о том, что в будущем «Российская держава пожелает покорить Европу, и сама окажется покоренной, ее подданные — татары — и ее соседи станут сначала ее хозяевами, а потом нашими: этот переворот мне кажется неизбежным» [Руссо, с. 154]. Хотя здесь он говорил о поволжских и сибирских татарах, его современники, считавшие Восток неизменным во времени и пространстве, вполне могли отнести эти слова и к Крымскому ханству. Быстрое и бескровное присоединение Тавриды заставило пересмотреть этот образ. Так, в 1787 г. Екатерина II писала: «О, Божьи чудеса! Из предков кто моих / Спокойно почивал от орд и ханов их? / А мне мешает спать среди Бахчисарая / Табачный дым и крик... Не здесь ли место рая?» [Екатерина II и Г. А. Потемкин, с. 216]. Хоулдернесс же заметила, что крымские татары сделались слишком бессильными, чтобы попытаться восстать против новых господ: «ведь отважный характер, который отличал их во время правления ханов, сейчас, кажется, присутствует лишь у худших представителей общества» (р. 194), — иначе говоря, у уголовных преступников.

Впрочем, и у остальных сохранилась известная склонность к правонарушениям. «В результате исключительной лениности своего характера они всегда больше ценят то, что приобретено ценой небольшой хитрости, чем то, за что приходится платить собственным трудом. Потому украсть фрукты или дрова из сада по соседству куда больше соответствует татарским нравам, чем отправиться рубить дрова в лес, отстоящий на несколько миль, хотя разрешение на это будет стоить ему сущую мелочь....» (р. 274). Хоулдернесс была шокирована принесенной русскими практикой наказания кнутом виновных в убийствах, что могло привести к смерти преступника (р. 267–269). В западной культуре образ востока Европы был традиционно связан с телесными наказаниями, и многие путешественники с любопытством наблюдали публичную порку [Вульф, с. 105–106, 116–117, 124–135, 141]. Но не все были столь критичны. Соотечественник Хоулдернесс Джеймс Уэбстер, ставший свидетелем подобного наказания в Симферополе в 1827 г., заметил, что оно эффективнее, чем полагающееся за аналогичные преступления в Англии повешение: «после выздоровления, которое случится через несколько дней, у него (преступника. — Н. Х.) будет шанс изменить свою жизнь, которым он скорее воспользуется, если вспомнит о своих недавних страданиях» [Webster, p. 97]. Иногда российская власть приводила к уменьшению насилия. Так, по словам Хоулдернесс, имперские законы запретили ряд местных обычаев, в том числе — побивать камнями неверных жен (р. 243).

Она много общалась со своими соседями и не раз удивлялась их нелюбви к работе. По словам писательницы, «традиции и способы ведения сельского хозяйства у татар — грубые и простые. У них нет столько трудолюбия, чтобы заставить их усердно трудиться ради получения богатства, и даже само богатство по причине вызываемой им зависти едва ли может считаться желанным. При любых условиях радость покоя и лени для них является верхом счастья, а тот, кто может располагать этими благословенными вещами, не имеет больше мотивов и стимулов к труду» (р. 270). «Из-за этого свойства характера можно заключить, что они — самые плохие работники в мире <...> Копать землю сидя — вот, вероятно, самый лучший пример татарского трудолюбия. Очень часто можно увидеть, что они рубят дрова, не выпуская изо рта трубки, причем даже в теплую погоду эту двойную операцию еще усложняет тяжелый кафтан» (р. 275). Конечно, Хоулдернесс сама могла наблюдать за жизнью соседей, а потому явно имела основания для таких суждений. Однако рассказы о «татарской лени» нередки в путевых записках ее современников [Проблемы интеграции Крыма..., с. 337–339]. Разумеется, на путешественников могло повлиять специфическое отношение мусульман к обогащению, чуждое протестантской этике. Кроме того, они явно не понимали, что сама ситуация в Крыму, где внутренний рынок для местной продукции фактически не существовал, а доступ к внешним рынкам ограничивала неразвитость транспортной инфраструктуры (в случае внутрироссийских губерний) и сложные международные отношения (в случае Большого Средиземноморья). Наконец, в XVI–XVIII вв. в западноевропейской общественной мысли сформировался образ «благородных дикарей», счастливых, не испорченных цивилизацией жителей окраин обитаемого мира, не имевших необходимости в тяжелом труде. Его создателями были путешественники в отдаленные страны света [Элиаде, с. 40–60]. Влияние этого стереотипа на описания Крыма, очевидно, было достаточно сильным. В любом случае, «леность» татар указывала на их невысокое положение на «лестнице» народов от варварства к цивилизации.

Но англичанка была критичной по отношению не только к мусульманам. Так, рассказывая о греках, она перечислила их разнообразные занятия — разного уровня торговлю, ремесло (в особенности каменщицкое и плотницкое дело), лавочничество и сельское хозяйство. При этом она оговорила, что «основное внимание греки-селяне уделяют выращиванию и разведению табака и капусты...», а пахотной земли возделывают немного, чтобы урожая хватило для личного потребления. «Но они плохие земледельцы и не очень искусны в разведении скота...», — заключила Хоулдернесс (р. 145–148, 287). Немецкие колонии, получившие многие льготы, в частности, лучшие земли для поселения, денежные ссуды, особую администрацию, 20-летнюю свободу от налогообложения и рекрутских наборов, тем не менее, не дали выдающихся экономических результатов. Первое поколение эмигрантов приходилось даже «исправлять» с помощью порки — шла ли речь о лентяях, пьяницах или аморальных женщинах (р. 157–160).

Хоулдернесс считала, что, несмотря на колоссальный хозяйственно-экономический потенциал, Новороссия и Крым не могли похвастаться особыми успехами. Частично причины связаны с неэффективным государственным управлением. Во-первых, это общероссийская «феодалная система», в рамках которой крестьян селили не хуторами, но скученно в деревнях, велись коллективные сельскохозяйственные работы, проводились регулярные переделы земли внутри общины (р. 110–114). Во-вторых, злоупотребления чиновников — англичанка привела даже несколько соответствующих русских поговорок (р. 115, 118–121). В-третьих, мошенничество управляющих большими поместьями и нежелание владельцев вникать в тонкости хозяйства (р. 281–282). В-четвертых, особенности культуры местных жителей. Например, крымские татары предпочитали скотоводство земледелию: «их естественное отвращение к труду так велико, что многие из них скорее будут покупать хлеб для прокормления своих семей, чем станут пахать и сеять; иные выращивают столько, чтобы хватило лишь на несколько месяцев в году, остальное же выменивают на шерсть, овец и пр.» (р. 217). По словам англичанки, для крымских татар стада скота были предметом гордости (а также, вероятно, маркером социального статуса), а не экономического расчета, потому они не торговали животными для извлечения прибыли, как поступили бы ее соотечественники (р. 293–294, 303–304).

Ревностная англичанка, Хоулдернесс считала религиозные воззрения крымских татар примитивными, их священников необразованными, но оценила благочестие мусульман. «Язык, на котором говорят в мечетях, арабский — священнослужителей учат на нем читать, но переводить они не могут, имея лишь общее представление о направленности каждой из молитв. Несомненно, эфенди (высший класс священников) более образованны, но для муллы маленьких селений достаточным считается умение читать и понимать немногие таинства своей религии. Самая крошечная деревушка не обходится без священника, и, несмотря на все заблуждения этих бедных людей в вопросах веры и соблюдения ее бессмысленных законов, они, по крайней мере, обладают достоинством искренности своих молитв и строгого следования правилам, предписанным их религией» (р. 219). В общем, это традиционный для Запада взгляд на ислам: например, то же самое писали наполеоновские солдаты о Египте [Прусская, с. 146, 156–157].

Важно, что Хоулдернесс считала примитивной не только исламскую религиозность. По ее мнению, христиане-армяне также подменяли истинное благочестие тщеславием: они очень ценили татуировки, украшавшие вернувшихся из Иерусалима, вне зависимости от интеллектуального уровня паломника. «Я не могла удержаться от мысли, сколь невелика истинная стоимость этого титула, который все они так высоко ценят, если он не удостоен возвышенным и благородным характером» (р. 176–177). Хотя в каждом селении колонистов-немцев была построена церковь, где по воскресеньям происходят моления, а дважды в год каждую колонию посещает лютеранский священник из Судака, совершая таинства, это не влияет на грубый характер колонистов. Всему виной,

заключает автор, то, что они «туго соображают», а потому являются наименее цивилизованными жителями Крыма (р. 161–162). Русские посты она назвала ханжеством, тем более что была знакома с «либеральным священником», нарушавшим пост в компании англичан. Поклонение иконам она, по-видимому, считала чем-то примитивным и подчеркивала, что русским недоступна благодать коллективного богослужения протестантов (р. 185–186). Очевидно, в таких оценках сказывалась ее приверженность нормам и формам собственной религии.

По словам англичанки, искренняя религиозность сочеталась у крымских татар с разнообразными суевериями. «Татары носят огромное количество оберегов и амулетов, хранящих их от болезни и других напастей. Обычно они представляют собой кусок бумаги с написанным текстом, купленный у муллы и тщательно зашитый в кусок хлопка или шелка <...> Этим средством они пользуются, чтобы излечить болезни лошадей и свои собственные...» (р. 252–253). Эти обереги «действовали» не только на мусульман, но и на «неверных». Когда заболел ребенок англичанки, сосед предложил ей обратиться к мулле за подобного рода «лекарством» (р. 253). Хоулдернесс описывает суеверия, распространенные и у крымских христиан. Например, болгарское гостеприимство объяснялось страхом перед чумой, а прибитые над постройками черепа животных «защищали» скот и его хозяев от сглаза (р. 172–173, 255). Описание того, что крымские греки не желали делать детям прививки от оспы, полагаясь на волю бога, способного защитить (или погубить) ребенка (р. 153–154), напоминает наблюдение ее соотечественника Реджинальда Хебера, побывавшего в Крыму в 1806 г.: татары не лечат своих сородичей, но предоставляют Аллаху решать, выжить тому или нет [Heber, p. 263]. Еще одним бичом крымских татар, причем главным образом женщин, Хоулдернесс назвала чесотку, «когда кисти рук, ступни и щиколотки зачастую представляют собой одну сплошную язву» (р. 223). На Западе суеверия и отсутствие квалифицированной медицины считались свойством нецивилизованных стран, например, Восточной Европы [Вульф, с. 273–274] или Египта [Прусская, с. 104–105].

Путешественники знали об особом отношении мусульман к винопитию, и потому нередко обращались к этой теме [Проблемы интеграции Крыма..., с. 344–345]. В Крыму традиционно делали вино и другие спиртные напитки, потому что в ханское время употребление алкоголя не было полностью запрещено, и существовала культура виноделия [Зайцев]. По мнению Хоулдернесс, различным народам было свойственно разное отношение к выпивке. Русские употребляли крепкие напитки, впадая в запой; немцы следовали их примеру, но с меньшим успехом; греки пили вино просто для радости (р. 202). В целом, вид стакана бренди был для всех крестьян, кроме татар, непреодолимым соблазном (р. 205). Впрочем, последние также умели обходить религиозные запреты. «Многие из них пьют коньяк без всяких угрызений совести, ссылаясь на то, что Магомет запрещал лишь использование перебродивших алкогольных напитков <...> Я видела, как они пьют пиво, что должно было бы быть не менее предосудительно при этом взгляде на закон, чем вино, но им не сообщили, каким образом

оно сделано» (р. 251). Рассказывая об отъезде из Крыма, англичанка упомянула, что ее слуги — немец и поляк — воспользовались объявлением хозяйки об отъезде, чтобы «утопить горе в большом количестве вина и коньяку» на протяжении нескольких дней (р. 206). Иностранцы путешественники редко упускали возможность попробовать крымские напитки. Так, Иоганну фон Струве, немцу на русской дипломатической службе, настолько понравились местные крепкие (ликерные) вина, что, уезжая, он захватил с собой небольшой запас [Храпунов, 2012, с. 44, 48]. Янг же писал, что своим отличным здоровьем обязан не только физическим занятиям и соблюдению распорядка дня, но и привычке пить «умеренно, и никогда воду, но всегда смешивая [ее] с вином или коньяком» [Gazley, p. 391]. Правда, о происхождении напитков он умолчал.

Книги Хоулдернесс сопровождаются рисунками (на нумерованных вклейках). В первой опубликованы изображения внутреннего двора и построек ханского дворца в Бахчисарае, а также крымских татар и татарок разного социального происхождения в традиционной одежде [Holderness, 1821]. В других — сцена в татарской общественной бане, грек-арнаут в боевом снаряжении, анатолийский грек и русский крестьянин в повседневных костюмах [Holderness, 1825; 1827]. Авторство неизвестно: возможно, гравюры сделаны с набросков англичанки.

Таким образом, Хоулдернесс удалось создать уникальное описание жизни Крыма 1816–1820 гг., в современных терминах — «продукт вовлеченного наблюдения». Опыт, полученный за четыре года, проведенные в маленьком крымском селении, позволил собрать сведения не только об экономике региона, но и об этнографии различных населявших его народов. Ее работа позволяет понять, как англичане воспринимали иные культуры, какие стереотипы вырабатывали. Путешественница помещала англичан на вершину «цивилизационной иерархии», а жители Крыма располагались ниже на ее «ступенях», отличаясь от «цивилизованных наций» разными комбинациями таких черт, как примитивная религиозность и суеверия, дурные моральные качества и несклонность к труду и бизнесу по принципам протестантской этики, лень и вороватость — но, в то же время, им были свойственны некоторые позитивные черты: добродушие, гостеприимство, сопереживание и пр. Полученные ею этнографические сведения представляют большой интерес для изучения культурной антропологии крымских и не только крымских этноконфессиональных общин.

Источники

Екатерина II и Г. А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791 / ред. В. С. Лопатин. М. : Наука, 1997.

Одесса глазами британцев: М. Гутри, М. Холдернесс, Р. Лайялл, Р. Пинкертон, Д. Стефенс. Одесса : Optimum, 2012.

Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М. : Наука, 1999.

Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения. СПб. : Росток, 2013.

Храпунов Н. И. Крым в 1792 году в описании Иоганна-Кристиана фон Струве // Этнокультурные и межконфессиональные отношения в Крыму. Симферополь : [б. и.], 2012. С. 34–50.

Clarke E. D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt. 1 : Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. London : T. Cadell and W. Davies, 1816. Vol. 2.

[Heber R. J.] The Life of Reginald Heber, Lord Bishop of Calcutta. New York : Protestant Episcopal Press, 1830. Vol. I.

Holderness M. Notes Relating to the Manners and Customs of the Crim Tatars. London : John Warren, 1821.

Holderness M. New Russia: Journey from Riga to the Crimea, by Way of Kiev; with Some Account of the Colonisation, and the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. London : Sherwood, Jones & Co., 1823.

Holderness M. A Manual of Devotion; Being Meditations and Hymns for Every Day in the Month. London : James Duncan : Waugh and Innes : M. Ogle : R. M. Tims, 1825.

Holderness M. Journey from Riga to the Crimea, with Some Account of the Manners and Customs of the Colonists of New Russia. 2nd ed. London : Sherwood, Gilbert, and Piper, 1827.

Romme G. Voyage en Crimée en 1786. Paris : L'Harmattan, 2016.

Webster J. Travels through the Crimea, Turkey, and Egypt. London : Henry Colburn and Richard Bentley, 1830. Vol. I.

Исследования

Богданов К. А. О крокодилах в России. Очерки из истории заимствований и экзотизмов. М. : НЛО, 2006.

Вишленкова Е. А. Религиозная политика в России (первая четверть XIX в.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Казан. гос. ун-т. Казань, 1998.

Водарский Я. Е., Елисеєва О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков (численность, размещение, этнический состав). М. : ИРИ РАН, 2003.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : НЛО, 2003.

Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера. Авантюрные приключения англичанок в Тавриде. Симферополь : Сонат, 2006.

Зайцев И. В. Алкоголь в Золотой Орде и Крымском ханстве (XIV–XVIII вв.) // Orientalistica Iuvenile. Вып. II. М. : ИВИ РАН, 2001. С. 100–137.

Калашиников В. М. Британский взгляд на Крым (хроники, мемуары, дневники XVII — первой четверти XIX столетия). Днепропетровск : [б. и.], 2013.

Каушлицев Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII — начало XIX века) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2010. Т. 23. № 1. С. 100–113.

Конкин Д. В. «Экономика и жизнь»: хозяйственная и торговая практика в Крыму в первые десятилетия после присоединения к Российской империи // Боспорские исследования. 2018. № 37. С. 166–186.

Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / под ред. Н. И. Храпунова, Д. В. Конкина. Севастополь : Альбатрос, 2017.

Прусская Е. А. Французская экспедиция в Египет 1798–1801 гг.: взаимное восприятие двух цивилизаций. М. : РОССПЭН, 2016.

Рыбакин А. И. Словарь английских фамилий. М. : Русский язык, 1986.

Храпунов Н. И. «Восток в Европе»: Крым после первого присоединения к России глазами иностранцев // The New Past — Новое прошлое. 2018а. № 1. С. 63–78.

Храпунов Н. И. Крымские древности глазами западноевропейских путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований: Гуманитарные и общественные науки. 2018б. № 2. С. 21–33.

Храпунов Н. И. Из страны казаков в Крым: этнографические представления английских путешественников по Югу России на рубеже XVIII–XIX вв. // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 100-летию со дня рождения выдающегося российского ученого) : материалы конф. / под общ. ред.: Д. П. Исаев, Д. В. Сень, М. Е. Шалак. Ростов н/Д : Альтаир, 2019а. С. 599–607.

Храпунов Н. И. «На взгляд Запада»: народы Крыма в записках иностранных путешественников конца XVIII — начала XIX в. // Миф в истории, политике, культуре : сб. материалов III Междунар. науч. междисциплинар. конф. (июнь 2019 года, г. Севастополь) / под ред. О. А. Габриеляна, А. В. Ставицкого, В. В. Хапаева, С. В. Юрченко. Севастополь : Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в городе Севастополе, 2019б. С. 378–381.

Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии / пер. с англ. А. П. Хомик. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1996.

Cross A. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-Hand English-Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917). Cambridge (UK) : Open Book Publishers, 2014.

Gazley J. G. The Reverend Arthur Young, 1769–1827: Traveller in Russia and Farmer in the Crimea // Bulletin of the John Rylands Library. 1955–1956. Vol. 38. P. 360–405.

Kizilov M. Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers. New York : [s. n.], 2003.

Voloshkova N. On Terrains of the Other Empire: Mary Holderness' Account of Her Residence in Early 19th-Century Crimea // British Women Travellers: Empire and Beyond, 1770–1870 / ed. by S. Dutta. New York : Routledge, 2019. P. 70–85.

Williams B. G. The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation. Leiden ; Boston : Brill, 2001.

References

Bogdanov, K. A. (2006). *O krokodilakh v Rossii. Ocherki iz istorii zaimstvovaniia i ekzotizmov* [On Crocodiles in Russia: Essays in the History of Transfers and Exoticisms]. Moscow: NLO.

Cross, A. (2014). *In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of First-Hand English-Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917)*. Cambridge (UK): Open Book Publishers.

Deremedved', E. N. (2006). *Krymskaia Riv'era. Avantiurnye priklucheniia anglichanok v Tavride* [The Crimean Riviera: English Ladies' Adventures in the Crimea]. Simferopol: Sonat.

Eliade, M. (1996). *Mify, snovideniia, misterii* [Myths, Dreams, Mysteries]. Moscow: Refl-buk; Kiev: Vakler.

Gazley, J. G. (1955–1956). The Reverend Arthur Young, 1769–1827: Traveller in Russia and Farmer in the Crimea. *Bulletin of the John Rylands Library*, 38, 360–405.

Kalashnikov, V. M. (2013). *Britanskii vzgliad na Krym* [The British View of the Crimea]. Dnepropetrovsk: [s. n.].

Kaushliev, G. S. (2010). Vklad angliiskikh puteshestvennikov v istoriko-kul'turnoe osvoinie Kryma [English Travellers' Contribution to the Historical and Cultural Interpretation of the Crimea]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta: Istoricheskie nauki*, 23(1), 100–113.

Khrapunov, N. I. (2018a). “Vostok v Evrope”: Krym posle pervogo prisoedineniia k Rossii glazami inostrantsev [“The Orient in Europe: The Crimea after Accession to Russian Empire as Viewed by Foreigners”]. *The New Past*, 1, 63–78.

Khrapunov, N. I. (2018b). Krymskie drevnosti glazami zapadnoevropeiskikh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX v. [Crimean Antiquities as Viewed by Western European Travellers from the Late 18th — Early 19th Centuries]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovani: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2, 21–33.

Khrapunov, N. I. (2019a). Iz strany kazakov v Krym: etnograficheskie predstavleniia angliiskikh puteshestvennikov po Iugu Rossii na rubezhe XVIII–XIX vv. [From the Land of Cossacks to the Crimea:

Ethnographic Ideas of English Travellers in South Russia on the Turn of the 19th Century]. In D. P. Isaev, D. V. Sen', & M. E. Shalak (Eds.), *Nauchnoe nasledie professora A. P. Pronshiteina i aktual'nye problemy istoricheskoi nauki* [A. P. Pronstein's Academic Legacy and Topical Aspects of Modern Research] (pp. 599–607). Rostov-on-Don: Altair.

Khrapunov, N. I. (2019b). "Na vzgliad Zapada": narody Kryma v zapiskakh inostrannykh puteshestvennikov kontsa XVIII — nachala XIX v. ["In Western Eyes": The Peoples of the Crimea According to Foreign Travellers' Accounts in the Late 18th and Early 19th Centuries]. In O. A. Gabrielyan, A. V. Stavitsky, V. V. Khapaev, & S. V. Yurchenko (Eds.), *Mif v istorii, politike, kul'ture: sb. materialov III Mezhdunar. nauch. mezhdistsiplinar. konf. (iiun' 2019 goda, g. Sevastopol')* [Myth in History, Politics, Culture] (pp. 378–381). Sevastopol: Filial MGU imeni M. V. Lomonosova v gorode Sevastopole.

Khrapunov, N. I., & Konkin, D. V. (Eds.). (2017). *Problemy integratsii Kryma v sostav Rossii, 1783–1825* [The Problems of the Crimea's Integration into Russia, 1783–1825]. Sevastopol: Albatros.

Kizilov, M. (2003). *Karaites through the Travelers' Eyes: Ethnic History, Traditional Culture and Everyday Life of the Crimean Karaites according to the Descriptions of the Travelers*. New York: [s. n.].

Konkin, D. V. (2018). "Ekonomika i zhizn'": khoziaistvennaia i torgovaia praktika v Krymu v pervye desiatiletiia posle prisoedineniia k Rossiiskoi imperii [Economy and Life: Industrial and Commercial Practices in the Crimea in the First Russian Decades]. *Bosporskie issledovaniia*, 37, 166–186.

Prusskaya, E. A. (2016). *Frantsuzskaia ekspeditsiia v Egipet 1798–1801 gg.: vzaimnoe vospriiatie dvukh tsivilizatsii* [The French Expedition to Egypt in 1798–1801: The Mutual Apprehension of the Two Civilizations]. Moscow: ROSSPEN.

Rybakin, A. I. (1986). *Slovar' angliiskikh familii* [A Dictionary of English Surnames]. Moscow: Russkii iazyk.

Vishlenkova, E. A. (1998). *Religioznaia politika v Rossii (pervaia chetvert' XIX v.)* [Religious Policy in Russia in the First Quarter of the 19th Century]. Kazan: Kazan State University.

Vodarsky, Ya. E., Eliseeva, O. I., & Kabuzan, V. M. (2003). *Naselenie Kryma v kontse XVIII — kontse XX vekov (chislennost', razmeshchenie, etnicheskii sostav)* [The Population of the Crimea between the Late 18th and Late 20th Centuries: Quantity, Distribution, and Ethnic Structure]. Moscow: IRI RAN.

Voloshkova, N. (2019). On Terrains of the Other Empire: Mary Holderness' Account of Her Residence in Early 19th-Century Crimea. In S. Dutta (Ed.), *British Women Travellers: Empire and Beyond, 1770–1870* (pp. 70–85). New York: Routledge.

Williams, B. G. (2001). *The Crimean Tatars: The Diaspora Experience and the Forging of a Nation*. Leiden; Boston: Brill.

Wolff, L. (2003). *Izobretaia Vostochnuiu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniia* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization in the Mind of the Enlightenment]. Moscow: NLO.

Zajtsev, I. V. (2001). Alkohol' v Zolotoi Orde i Krymskom khanstve (XIV–XVIII vv.) [Alcohol in the Golden Horde and the Crimean Khanate, 14th–18th Centuries]. *Orientalistica Iuvenile* (Iss. 2, pp. 100–137). Moscow: IVI RAN.

Храпунов Никита Игоревич

кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского центра
истории и археологии Крыма
Крымский федеральный университет имени
В. И. Вернадского
295007, Республика Крым, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: khrapunovn@gmail.com

Khrapunov, Nikita Igorevich

PhD (History), Leading Researcher
History and Archaeology of the Crimea
Research Centre
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4, Vernadsky Ave., 295007 Simferopol,
Republic of the Crimea, Russia
Email: khrapunovn@gmail.com
Scopus AuthorID: 57201662517